

Казакова Елена Александровна

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ОБРАЗОВ КАВКАЗА И КАВКАЗСКИХ ОБРАЗОВ
РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Статья посвящена проблеме поиска культурных механизмов познания "Другого", важнейшим из которых автор признает сферу художественного. Доказано, что искусство (поэзия) в первой половине XIX века являлось практически единственным средством фиксации и рассмотрения "Другого", а также преодоления его пугающей "чужести". В статье доказывается, что инвариантный романтический образ Кавказа в произведениях русских классиков наполнялся вариативными содержательными характеристиками этнического и конфессионального толка. На материалах кавказских поэтических традиций рассматриваемого периода автор исследует не получивший должной теоретической представленности образ России. Найденная "ответность" позволяет автору сделать вывод о двустороннем характере случившегося художественного общения по поводу возникшей инаковости.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/19.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 80-87. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. **Волкова А. В.** Сети в публичной политике: формирование сетевой культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39). Ч. II. С. 52-55.
4. **Волкова А. В.** Управляемость государства и гражданская состоятельность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42). Ч. I. С. 44-47.
5. **Коверзнева С. А.** Механизмы координации в публичном пространстве современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. II. С. 109-114.
6. **Кулакова Т. А.** Вовлечение в публичность как инновация государственного управления в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. II. С. 132-136.
7. **Москва выбрала разработчика системы открытых данных** [Электронный ресурс]. URL: <http://opendata.open.gov.ru/news/429/> (дата обращения: 11.10.2013).
8. **Обзор проектов по государственным открытым данным** [Электронный ресурс]. URL: <http://opendata.open.gov.ru/upload/iblock/403/4031a0648e5b68305b2e53864e345c09.pdf> (дата обращения: 15.10.2013).
9. **Портал открытых данных Правительства Москвы** [Электронный ресурс]. URL: <http://data.mos.ru> (дата обращения: 15.09.2013).
10. **Совершенствование государственного управления. Портал административной реформы** [Электронный ресурс]. URL: http://ar.gov.ru/inform_otkritost_05_otkritii_dannie/index.html (дата обращения: 13.11.2013).
11. **Хартия открытых данных «Группы восьми»**: техническое приложение [Электронный ресурс]. URL: <http://opendata.open.gov.ru/upload/iblock/d89/d89ed307269b705c22da23dcbfb72c54.pdf> (дата обращения: 20.10.2013).

OPEN DATA AS NEW METHOD OF INTERACTION OF STATE AND SOCIETY

Ignatova Anna Mikhailovna
Saint Petersburg State University
vassina@mail.ru

The author examines possibilities for the use of open data in raising the manageability of state and society. Openness, transparency, availability and accountability of the bodies of state power as the attributive principles of information society are realized by providing sufficient and reliable information to business, citizens and civil associations. Information becomes not only an important resource of public administration; modern methods of information analysis create new knowledge and administrative innovations. Opening of state data is considered as a basis for the transition to a new level of the interaction of state and society in modern Russia securing the efficiency of public administration.

Key words and phrases: open data; open government; service state; manageability raising; information society; manageability of state and society; interaction of state, society and business.

УДК 008; 930.85

Культурология

Статья посвящена проблеме поиска культурных механизмов познания «Другого», важнейшим из которых автор признает сферу художественного. Доказано, что искусство (поэзия) в первой половине XIX века являлось практически единственным средством фиксации и рассмотрения «Другого», а также преодоления его пугающей «чужести». В статье доказывается, что инвариантный романтический образ Кавказа в произведениях русских классиков наполнялся вариативными содержательными характеристиками этнического и конфессионального толка. На материалах кавказских поэтических традиций рассматриваемого периода автор исследует не получивший должной теоретической представленности образ России. Найденная «ответственность» позволяет автору сделать вывод о двустороннем характере случившегося художественного общения по поводу возникшей инаковости.

Ключевые слова и фразы: художественный образ; образ Кавказа; образ России; «Другой»; художественное общение.

Казакова Елена Александровна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
alenant@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ ОБРАЗОВ КАВКАЗА И КАВКАЗСКИХ ОБРАЗОВ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА[©]

Вхождение к середине XIX века в состав Российского государства обширных кавказских территорий требовало изучения и налаживания не только политических или экономических связей с ними, но и культурных. Попытки изучения возникшего «Другого» в России первой половины XIX века, безусловно, предпринимались, однако во многом находились в рамках военного нарратива. Ответность кавказского мира

на притязания «Другого», выраженного Россией, не получила должного теоретического рассмотрения. Кавказ как бы безмолвствовал, ожесточенно сопротивляясь и противостоя разрушению традиционного уклада. В силу этого, целью данной работы автор видит исследование (на материалах русской и кавказской народной и национальной поэзии первой половины XIX века) поэтических образов «Другого». Постановка цели определила перечень следующих задач:

1. выявить и проанализировать содержательную наполненность русских образов Кавказа и кавказских образов России;

2. обосновать причины, определившие специфику данных образов;

3. доказать универсальность художественного общения как культурного способа познания «Другого».

Узнавание возникшей инаковости в условиях начала XIX века, по большому счёту, возможно было в рамках двух позиций: наукообразной и художественной. Первая из них, применительно к российской действительности, во многом находилась в русле военного нарратива, а потому – настороженно-отторгающего отношения к «Другому». Научная мысль о Кавказе первой половины XIX века не изобилует широкомасштабными исследованиями. Основной интерес учёных этого времени в основном сосредотачивается на описании (а не анализе) социально-политических особенностей горской жизни, обосновании отсталости и неразвитости кавказских форм общественного устройства и необходимости в этой связи цивилизационной миссии Российской империи. Этнографический, конфессиональный и художественный аспекты, во многом питавшие творчество русских поэтов-романтиков, науке первой половины XIX в. не были интересны.

Призрак «мусульманского повстанчества» (Д. Ю. Арапов) характеризовал позицию как официальной власти, так и исторической науки по вопросу конфессионального познания «Другого». Историческая наука XIX века не прибегала к изучению собственно ислама как конфессионального образования, а рассматривала его как имеющего непосредственное отношение к религиозным взглядам кочевых народов, не раз приходивших на Русь. Пытаясь максимально объективно показать особенности противостояния русской культуры и культуры Степи, русские историки и сознательно, и по наитию отождествляли агрессивные военные интересы кочевников с исламом.

Иносказательная природа искусства во многом сумела смягчить пугающую инаковость «Другого». Именно искусство представляется своеобразным духовным конструктом, открытым «вовне» для взаимодействия с «Другим», т.к. именно через художественные ценности культура способна раскрывать себя максимально вариативно, полно и многогранно. Сфера художественного как обладающая вполне самостоятельным онтологическим статусом «способна благодаря эффекту уподобления (со-бытие) в одном бытии сохранять и воплощать особенности другого (других)» [7, с. 47]. Всякое общение предполагает сходство исходных ценностных установок участников взаимодействия. Ценностно-разнозначным субъектам в процессе общения зачастую достаточно сложно принять эту разность и непредубеждённо общаться с «Другим». В то же время, сфера искусства предоставляет нам примеры вступления в процесс коммуникации различных миров, ценности которых не равны и не могут быть принципиально приравнены. Изначальная ценностная схожесть России и Кавказа сомнительна, однако поэтам – в особенности русским классикам – удалось в своих произведениях соединить два мира, различные системы ценностей этих миров. Гармонизация ценностной разности с помощью поэзии привела, в конечном итоге, к снятию «чужести» с образа Кавказа.

В процессе простого, вербального общения человек зачастую неспособен (в силу сознательных или бессознательных мотивов) до конца выразить содержание своего внутреннего мира, взглядов и представлений о «Другом», боясь прибегнуть в процессе его описания к распространённым стереотипам и клише. Природа же художественного образа иносказательна, а потому более свободна в способах фиксации и выражения как «своего», так и инакового. Художественный образ не ограничивается понятием «отражение», он всегда есть «образ творения», в силу своей целостности и эмоциональности претендующий на статус достоверности (особенно учитывая синкретичный характер мира духовной культуры Северного Кавказа первой половины XIX века).

Обращение к сфере художественной фиксации «Другого» представляется неоспоримым и в силу того, что формирование представлений о «Другом» во многом происходит не столько в сфере многочисленных встреч с этим «Другим» в социокультурной реальности, сколько в пространстве образности, способной закрепить в ней как приближённые к действительности характеристики «Другого», так и абсолютно далёкие от них, построенные на различных ментальных конструкциях и обобщениях.

Первый, самый изначальный пласт образности Кавказа можно соотносить с художественной фиксацией природы этого края. В многочисленных описаниях географии Кавказа обращает на себя внимание, прежде всего, восхищение русских классиков горными вершинами Кавказского хребта: «Великолепные картины! / Престолы вечные снегов...» [8, с. 17]; «Я счастлив был с вами, ущелия гор...» [Там же, с. 41]. При описании гор поэты прибегают к таким эпитетам как «окаменелые гиганты», «гранитные великаны», «громады», «престолы природы», «синие и румяные горы» и др. Горы, безусловно, очаровывали русского дворянина своей отличностью от привычного и тривиального. Они во многом являлись воплощением «мятежа природы против унылой упорядоченности... Из характера горного пейзажа выростала философская концепция региона» [6, с. 28]. Описания первозданной, чистой, как будто вечной, отрешённой от остального мира природы края дополняют романтичности в содержание данного образа.

Вольность, стремление обрести мифический идеал гармонии, свобода, предельность проявлений человеческого духа составляли содержание романтического интереса к кавказскому миру. С этой точки зрения Кавказ в произведениях русских классиков представлен в обобщённо-художественной форме, порой сильно отличавшейся от реалий. С другой же стороны, русским поэтам частично всё же удалось воссоздать особенности кавказского бытия, прибегнув к описанию быта, нравов и традиций горского населения.

Знакомство с реальным Кавказом, представленным соприкосновением с миром традиционных горских культур, также наполняет романтический образ данного региона, но уже некоторым налётом национально-этнического своеобразия, основанного на «заинтересованности в фольклоре и обычаях народов Северного Кавказа» [23, с. 18]. Поэтические произведения русских классиков уже в начале XIX века были наполнены экзотическими, неизвестными, но чарующими русскую читающую публику образами традиций и обычаев горцев Кавказа, показывающими иную грань образности «Другого», могущего быть представленным далеко не только в русле военных столкновений с ним. Среди них можно выделить, к примеру, обычай кровной мести. В некоторых произведениях поэты обращаются к действительно существовавшим практикам кровомщения, отличающимся особо ожесточённым характером. Например, обычай отрубания головы, ушей и рук у кровника был распространён в традиции горских племён вплоть до XIX века [11]. У М. Ю. Лермонтова в поэме «Хаджи Абрек» находим такой пример:

...Открыл – и дар его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видит, – боже правый!
Своей Леилы голову [10, с. 246]!

Отказ от кровного мщения представлен в поэме А. С. Пушкина «Тазит». Увидев убийцу своего брата, Тазит отпускает его, т.к. тот был «один, изранен, безоружен». Он не просто не стал мстить обидчику, но и не захотел исполнять этот горский обычай «не по совести», т.е. с несоблюдением «множества этических требований, составляющих неписанный кодекс кровной мести» [12]. Можно предположить, что поэт попросту не был знаком с ритуальной стороной прощения канлы, представленной в каждой этнической группе вариативно. Очевидно, что Тазит руководствуется в своём благородном порыве не национально-культурными особенностями прощения кровника, а общечеловеческими понятиями гуманизма, чести и достоинства. Поступок Тазита представляется читателю во многом сквозь призму романтического его понимания, обобщённого представления о Кавказе «как царстве благородных разбойников» [22, с. 320-321].

Отец осыпает Тазита проклятиями за неисполнение «долга крови»: «Пооди ты прочь – ты мне не сын, ты не чеченец – ты старуха!» [18, с. 247]. Гасуб – олицетворение традиционного начала, живущего по неизменным «дедовским обычаям» и не приемлющего подобного благородства. Древний родоплеменной принцип «око за око» принимается им в самом буквальном смысле, а мщение носит обязательный характер.

Воссоздавая некоторые характерные черты кавказского бытия, поэты обращаются и к другой традиционной основе данного региона – феномену абречества. «–Абрек” – разбойник, изгой, бродяга на почве мести, ...опиравшийся в своих действиях на болезненно трансформированные практики насилия» [12]. Этим чертам, специфицирующим образ абрека, А. С. Пушкин даёт поэтическое звучание:

...Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой...
Кто не прощает, не щадит.
Кого убийство веселит [19, с. 34]...

Подобные проявления жестокости рассматриваются поэтом как природное хищничество горцев, естественная их склонность к воровству и насилию. Очевидно, что поэту удалось зафиксировать одну из возможных, самых распространённых интерпретаций абречества. Скрупулёзного, тщательного вникания в специфику, функционирование и предназначения этого феномена кавказской культуры (как, впрочем, и любого другого) не наблюдается. Жажда суровой романтики, экзотичности явно превалирует над конкретно историческими сведениями бытования абречества. Современное кавказоведение подчёркивает, что мотивы и вариации данного феномена уже в XIX веке значительно варьировались [9, с. 167]. Новизна кавказского материала была вполне достаточным основанием для создания художественного экзотичного и запоминающегося образа данного региона, преломлённого сквозь призму древних обычаев и традиций.

В то же время, в художественной фиксации феномена абречества есть и вполне реалистичные мотивы, заключающиеся в констатации невозможности возвращения абреков к мирной жизни: «Жившие профессиональным разбоем, абреки уже не возвращались к мирной жизни и хорошо сознавали своё изгойство» [22, с. 143]. Так заканчивается произведение М. Ю. Лермонтова «Хаджи-Абрек»:

...Хаджи ему не подивился,
Взглянул на шашку, на коня –
И быстро в горы удалился [10, с. 247].

Русский романтизм, проявляя интерес к природе и географии Кавказа, художественно фиксируя образность распространённых традиций и обычаев, замечает и конфессиональный контекст «Другого», представленного исламом.

Важность литературных образов ислама, созданных русскими поэтами, не вызывает сомнений. Именно они являлись «проводниками» представлений об исламе и мусульманине. Обладая весьма ограниченной информацией о Кавказе, русское общество XIX века воспринимало его сквозь призму литературных произведений, и потому ракурс, в котором представляли в них Кавказ и ислам, был чрезвычайно важен.

Важнейшую роль в формировании образности магометанской веры играл реальный источник исламского вероучения – Коран. По точному замечанию А. В. Медведева, «Пушкин преодолевает сложившуюся традицию — «былиц» о Востоке вообще и об исламе в частности...», поэтически точно отображая стилистику Корана и мусульманской культуры» [13, с. 79]. Поэты не позволяют себе вольной интерпретации коранических текстов и смыслов. Они лишь приближённо к источнику вероучения доносят особенности магометанства до русской публики, ненавязчиво снимая тем самым излишнюю чуждость и конфронтационность с исламского образа, вызванную не столько религиозной инаковостью ислама, сколько политическими обстоятельствами тесного знакомства России с этой религией.

Покорность воле Аллаха и судьбе как смыслоопределяющие характеристики исламского вероучения, вера в предопределение и рок проникают в качестве литературных образов на страницы поэтических произведений. В стихотворении «Валерик» М. Ю. Лермонтов устами своего героя говорит:

Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу [11, с. 113].

Вера в мудрый божественный промысел Аллаха, в предопределённость не покидает героев литературных произведений даже в скорбные моменты их жизни. Так в поэме А. С. Пушкина «Тазит» Гасуб – отец, потерявший сына – не в праве гневаться на Творца: «Гасуб, покорен будь судьбе», – призывают его собравшиеся. Непротивление и безусловное принятие божественного промысла характеризуют художественное видение поэтами ислама.

Поэтизированный образ мудрого, всезнающего мусульманского бога дополняется в произведении М. Ю. Лермонтова «Аул Бастунджи» художественным выражением идеи его справедливого суда, с одной стороны, и идеи гуманизма, с другой:

Да упадёт проклятие аллы
На голову убийцы молодого [10, с. 233]...

Лермонтов осуждает своего героя Селима за совершённое им преступление как акт пренебрежения идеей гуманизма. Наказание за совершённое преступление, облаченное в традиционную канву, выражено в рассмотренном ранее феномене абречества: изгнание убийцы из сообщества, его вечное скитание и разбой. Народная традиция предполагает дальнейшую повторяемость убийства в форме кровной мести. Исламский же взгляд на данную проблему, действительно, есть художественное выражение фундаментальной мусульманской идеи ценности человеческой жизни, уничтожение которой в Коране приравнивается к убийству всего человечества. У А. И. Полежаева в произведении «Чёрная коса» находим схожие интонации:

Лежит в пыли, на поле сечи,
В три грани чёрная коса...
«Булат, противник Магомета,
Меня с главы девичьей снес!» [15].

Подобный ракурс преподнесения ислама представляется нам – в особенности на контрасте с видением традиции – попыткой поэтов продемонстрировать ценности данной религии в позитивном ключе (пушкинское «...Презирай обман / Стезю правды бодро следуй...»), устранить из него налёт воинственности, опасности и принципиальной чужести «своему», христианскому.

С другой стороны, исламский контекст кавказских произведений, очевидно, служил и удобным средством для выражения идей справедливости и свободы. Можно говорить о предпринятой поэтами попытке художественной фиксации насущных проблем Российской империи с использованием олитературенного исламского дискурса. Написанные в конце южной ссылки «Подражания Корану» (1824) являются не просто художественным переложением основных сур священной книги мусульман, но и поэтически зафиксированными образами, иносказательно облекающими несправедливость, несвободу, несовершенство российской действительности начала века. Этой цели служат образы мусульман-воинов, затуманенных слепой верой, сражающихся на поле брани до последнего вздоха («Блаженны падшие в сраженьи...»). Явно пренебрежительное пушкинское наименование верующих – «...Коран дрожащей твари проповедуй», – очевидно, нельзя рассматривать только лишь в ракурсе мусульманства. Ислам выбран поэтом неслучайно. В годы южной ссылки, соприкоснувшись с бытом мусульман, Пушкин на примере религии более жёсткой и непримиримой, рассматривающей человека как зависящее от бога существо, постоянно нуждающееся в его руководстве, демонстрирует, что подобная покорность выступает удобным инструментом для манипулирования человеком. Религия как таковая сковывает сознание человека. «Встань, боязливый!», – отмечает поэт, и это, очевидно, касается не только мусульман.

В условиях ограниченности знаний об исламе или же поступающих «экзотических сообщений о народах, его исповедовавших» [5, с. 9], опозитированный образ данной религии, далёкий от приписываемых ей негативных характеристик, послужил сближению двух великих культурных миров – христианского и мусульманского. Художественно воплощая исторически актуальные особенности исламского вероучения, поэты стремились донести до читателя и притягательные стороны данной конфессии, во многом игнорируемые в научных исследованиях и позиции официальной власти.

Таким образом, обозначенная вариативность в прочтении образа Кавказа стала возможной в силу:

1) романтической направленности художественной фиксации «Другого», свойственной романтическому мироощущению амбивалентности восприятия окружающего мира;

2) знакомства русских поэтов с общеевропейскими романтическими тенденциями выстраивания образа «Другого», продиктованной этим определённой степенью его предпонимания, нахождения и фиксации в нём известных, ожидаемых черт;

3) доминирования – вследствие романтического метода – психологического интереса к «Другому», нашедшего свою вариативную представленность в найденной системе образности Кавказа;

4) неоднозначности самой природы художественного образа. Художественный образ не исчерпывается понятием отражение, он есть «образ творения» (В. В. Портнова). Он парадоксальным образом отличался от кавказской реальности, но, вместе с тем, фиксировал её некоторые узнаваемые черты.

Изначальная диалогическая природа искусства (М. Бубер) обусловила необходимость обращения к кавказской поэтической традиции, зафиксировавшей «ответность» на притязания «Другого». В рамках современного социально-гуманитарного знания феноменология кавказских образов России первой половины XIX века изучена слабо. К тому же, обращение к кавказскому материалу представляется необходимым в силу следующих обстоятельств:

1) кавказские образы России, созданные русскими классиками, могут заключать в себе, во-первых, опасность возникновения автостереотипических установок культуры, которые, зачастую, не отличаются объективностью;

2) во-вторых, учитывая роль романтического художественного метода в создании поэтических произведений рассматриваемого периода, другой крайностью могут стать излишняя критика и неприятие собственной культуры.

Важно понять, какой виделась Россия, встретившаяся с Кавказом, в условиях достаточно непростых исторических обстоятельств представителям этого мира и какой образ России в связи с этим складывается и является доминирующим.

Выбор поэтического эмпирического материала обусловлен, во-первых, географической сосредоточенностью основных событий Кавказской войны на территории Северного и Среднего Нагорного Дагестана и Чечни и, во-вторых, наличием письменных арабоязычных поэтических источников дагестанских авторов (И. Казак, Хаджи-Мухаммад ас-Сугури, Абдурахман Хаджи-Сугури, Аль-Карахи Мухаммед-Тахир, Е. Эмин), дополненных фольклорными произведениями чеченского и ингушского этносов, зафиксировавших образ России как фактора, оставившего неизгладимый след в исторической памяти народа.

Говоря об образности Кавказа, созданной в произведениях русских романтиков, мы отмечали поливариативность художественной репрезентации данного образа. Романтизм как художественное направление во многом сыграл определяющую роль как в содержательной наполненности этого образа, так и в формальном его выражении. С кавказской стороны подобной психологической потребности и заинтересованности в «Другом» не ощущалось. Психологический контекст интереса во многом замещается в данном случае политическим. Обобщённо-лирический, опозитизированный, романтический образ России не сложился в произведениях кавказских поэтов. Кавказских поэтов восхищает и пленяет не первозданный, традиционный мир «другой» культуры, а «свой», некогда процветавший, вольный и естественный, коим он являлся вплоть до «знакомства» с «чужим» миром русской государственности. Так, в произведении кумыкского поэта И. Казака отчётливо слышится ностальгия по мирному, дороссийскому Кавказу:

Где вы, дни без невзгод, где вы, дни без тревог,
Тяжко будет нам, братья, в руках палачей [16, с. 519]...

Народные героические чеченские и ингушские песни также на контрасте стремятся, с одной стороны, создать чистые, незамутнённые и вольные образы Кавказа и его жителей («Как трава росли мы, / Нас возрастили горы...»), подчеркнуть любовь и восхищение «своим» краем «отчих гор», «родных равнин», «нищих домов». Стоит отметить, что воспевания горного пейзажа кавказской поэтической традицией и русскими поэтами-романтиками схожи только формально. Сущностно же это очарование принципиально различно: если для первых горы ассоциируются, прежде всего, с некой предельностью душевных состояний, возможностью вырваться из жизненной тривиальности, то для вторых – это своеобразная «ось мироздания», мифологический образ начала мира. Так, Ю. Ю. Карпов, анализируя аварские представления о происхождении мира, упоминает сюжет об изначальной избыточности мира, которая была устранена Всевышним путём сжатия лишних «плоских земель» в горы, которые разместились в центре земли и стали её основой [20, с. 137]. Именно поэтому отношение к горам у кавказских авторов более сакрально, интимно и лично окрашено.

В этой связи стоит упомянуть работу дагестанского поэта и историка Мухаммеда-Тахира Аль-Карахи «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах», в которой автор, создавая такой сакральный для горских народов образ горы (имея в виду Гуниб – последнюю цитадель сопротивления горцев русской армии), прибегает к его сравнению с домом, неприступным жилищем, пытаясь подчеркнуть тем самым его большую значимость: «Гора собрала все удобства в себе в совершенстве» [2, с. 84]. Исходя из такого отношения к горам, становятся понятными настороженность и опаска, звучащие в произведениях кавказских авторов, относящиеся к любому, кто претендует нарушить и разрушить установленный миропорядок.

Трагические последствия вмешательства «чужого» в этот упорядоченный и естественный мир жилища, вращенного горными склонами, также отражены в данном произведении:

...О скорбь моя над этими жилищами,
Жилищами мусульман, ставшими наподобие дома злополучия [Там же]...

Народная традиция также закрепляет и подчёркивает в своей образности кризисность и запустение края, вызванные присутствием России на этих священных – по мысли горцев – землях, «бесчестность» и «насильственность» как важнейшие характеристики образа России. Очевидно, что образ России не конституируется в произведениях кавказских авторов сквозь призму мифологизации и сакрализации её природных ландшафтов или же упоминания и фиксации наиболее распространённых обычаев и традиций. Конфессиональная сторона образности России в произведениях кавказских авторов ограничивается лишь упоминанием весьма распространённых средневековых представлений о христианах как о неверных и неправедных, отпавших от истинной веры.

Подтверждающие нашу идею примеры абсолютной незаинтересованности в создании целостного образа христианства и христиан находим в поэме «Век-Давитель» Абдурахмана Хаджи-Сугури, в которой христиане характеризуются в лучшем случае посредством таких эпитетов как «неправедные», «неверные», «безбожники», «враги ислама», «ряды несправедливых» и т.д.:

...Чиня правед, у нас неправедные правят...
...Неверные желают наших унижений...
...Приют ислама стал пристанищем безбожных [4]...

С этих же позиций смотрит на христиан и оценивает их первый имам Дагестана – Гази Мухаммад, который в своём произведении «Клич к газавату» отмечает:

Законы неверных – собрание трудов Сатаны.
Те, кто им следуют, будут в аду сожжены [1]...

Ислам на контрасте с христианством представляется как истинная религия правды, свободы и благородства, нуждающаяся в защите от христианского натиска. Во многом схожая тенденция в рассмотрении ислама как априорно враждебного и раздражающего фактора нами была выявлена при анализе научной традиции исследования магометанства в первой половине XIX века российскими историками. Однако русским поэтам удалось смягчить эти проявления чужести, сделав её более понятной и близкой своей культуре.

Примечательно, что кавказские авторы, в отличие от русских классиков, переносят и в сферу художественного навеянные военными действиями в регионе негативные образы «чужого», экстраполируя политические притязания России на её конфессиональные особенности. Мы склонны предположить, что происходит это в силу особой пристрастности названных авторов, их близости шамилевскому режиму. Действительно, биографические сведения, к примеру, Х.-М. Ас-Сугури указывают на его причастность имамату – он был муфтием в имамате Шамиля, Абдурахман Хаджи-Сугури – «одним из идеологов имама Шамиля» [3], Аль-Карахи Мухаммед-Тахир числился секретарём в канцелярии имама. Очевидно, что из под пера идеологически заинтересованных поэтов – среди которых был назван и первый имам Дагестана – Гази Мухаммад – не могли выйти какие-либо иные произведения, менее пристрастные и более вариативные в своём художественном звучании.

В силу этих обстоятельств мы не можем по аналогии говорить о существовании разноплановой системы образности России в произведениях кавказских авторов. Можно сказать, что фиксация «Другого», представленного Россией, нашла своё поэтическое воплощение в образе врага, пришедшего на чужую территорию в попытке установить там свои порядки и правила. Враг в произведениях кавказских авторов наделяется характеристиками «заклятый», «проклятый», «извечный». Чеченская и ингушская традиции говорят о «времени тяжких испытаний», «нелёгком времени», выпавшем на долю народа. Полный аллегорий и сравнений язык народного творчества создаёт яркий, но однозначно негативный образ России, олицетворяя его с самыми страшными для представителя традиционной культуры природными явлениями: «Засухой, градом, ярмом был царь...» [14, с. 443]. Принципиальное отторжение, неприятие «чужого», выраженного образом России, художественно обосновывается его опасностью как средоточием негативного, разрушительного начала, несущего «смерть», «слепоту» и «нищету». Ракурс его рассмотрения крайне негативен и обуславливает необходимость защиты от него со стороны «своего». Так, в чеченской песне «Защитников родного аула» находим созвучные данному положению мотивы: «Спасем, защитим мы народ свой и род, / Селенья родимого края...» [Там же, с. 438]. Можно сказать, что поэтическая мысль, обращённая к императорской России, содержала в себе патриотическую идею защиты «своего» края от притязаний «чужого».

Мотивами ненависти к завоевателю в лице России проникнуты многие произведения И. Казака. Так, в стихотворении «Кинжал булатный нынче не в чести» поэт рисует крайне негативный образ России, преломленный сквозь призму её завоевательных устремлений:

Отчизну не спасти...
На всём теперь проклятый царский гнёт.
Царь отобрал у нас, что только мог [17, с. 187]...

Уничжительные эпитеты и обороты – «вражья свора», «вражья орда», «зверьё» – используются кавказскими авторами при описании врага, коим представляется Россия. Характеризуя поведения и действия русских войск на Кавказе, многие произведения изобилуют яркими образными сравнениями: «словно воры»

ведут себя русские офицеры, при встрече с горцами они «как грызуны от соколов стремятся в норы» [4] и т.д. Совершенно очевидно, что подобными описаниями «чужого» кавказские авторы в то же время стремились героизировать и возвысить «свое». «Свой» мир и её представители на контрасте с Россией наделяются противоположными качествами, безусловно, принципиально лучшими и значительными:

Подобно львам, стремглав врывающимся в стадо,
Бойцы джихада доводили их до мора...
...Вот занесён над нами меч несправедливый,
Но правым убежать от бедствий не пристало [Там же].

Герой, безусловно, является признанным образцом «своего». Как отмечает В. М. Пивоев, «феномен героизма связан с двумя крайностями: защитой «своих» и убийством «чужих» в соответствии с мифологической аксиологией» [21, с. 17]. Использование возвышенных и совершенных образов для описания «своего» мира призвано подчеркнуть принципиальное его отличие от сферы «чужого».

Образ России, созданный кавказскими авторами, находится в русле отторгающего модуса «Другого». Основными причинами, обусловившими его подобное содержание, являются:

1) военный контекст межкультурного взаимодействия, дополненный отсутствием романтического видения и некоторого уровня предпонимания «Другого»;

2) особая пристрастность некоторых дагестанских поэтов позиции официальной власти в отношении к «Другому»;

3) первичность культурной реакции, воплощённой в форме художественного ответа, на присутствие «Другого». «Другой» своим присутствием лишил кавказский мир ощущения «понятной определённости» (О. А. Довгополова). Отсюда – свойственные кавказской поэтической мысли настороженность и опаска по отношению к «Другому». Более теоретичными и рассудочными способами фиксации и познания «чужого» кавказский мир в первой половине XIX века просто не располагал. Художественный же образ, не нуждаясь в доказательстве, обладал непреложным, претендующим на статус достоверных свидетельств характером;

4) политический контекст интереса к «Другому», в отличие от психологического, определявшего интенции русских поэтов. Разрушение Россией традиционных основ горской жизни, племенной демократии обусловило меньшую (в сравнении с русскими образами Кавказа) культурную заинтересованность в «Другом».

Таким образом, и та, и другая литературные традиции, очевидно, не стремились к скрупулёзному изучению друг друга, ограничившись только лишь «внешней» констатацией образных доминант. В то же время, именно искусство предстало феноменом, максимально открытым для культурных взаимодействий с «Другим», фиксирующим его образность в стремлении познать возникшую инаковость. Учитывая сложный, во многом генерирующий конфликты (в том числе и межкультурного толка) характер современной социокультурной реальности, дальнейшее изучение и обоснование коммуникативной насыщенности художественного общения между культурами представляются весьма необходимыми и обоснованными.

Список литературы

1. **Аль-Гимрави Г.-М.** Клич к газавату [Электронный ресурс] // Аул: документы и литература по истории Дагестана и Кавказа. URL: http://a-u-1.narod.ru/DP_Gazi-Muhammad_Klich_k_gazavatu.html (дата обращения: 13.04.2013).
2. **Аль-Карахи М.-Т.** Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / пер. А. Барабанова. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. Ч. 2. 100 с.
3. **Арабоязычная литература Дагестана** [Электронный ресурс] / под ред. М. Дугричилова. Махачкала, 2008. 23 с. URL: http://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_01.pdf (дата обращения: 02.06.2014).
4. **Ас-Сугури Х.-М.** Три имама или Век-Давитель [Электронный ресурс] // Арабоязычная литература Дагестана / под ред. М. Дугричилова. Махачкала, 2008. С. 10-12. URL: http://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_01.pdf (дата обращения: 02.06.2014).
5. **Ватейшвили Д. Л.** Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. М.: Наука, 1973. 451 с.
6. **Гордин Я. А.** Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: Журнал «Звезда», 2008. 288 с.
7. **Еремеев А. Ф.** Первобытная культура: происхождение, особенности, структура: в 2-х ч. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1997. Ч. 2. 220 с.
8. **Кавказ в русской поэзии:** сборник / сост. В. А. Бойченко. Ростов: Издательство Ростовского ун-та, 1986. 327 с.
9. **Казиев Ш. М., Карпеев И. В.** Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Мол. Гвардия, 2003. 452 с.
10. **Лермонтов М. Ю.** Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Правда, 1969. Т. II. Поэмы и повести в стихах. 531 с.
11. **Лермонтов М. Ю.** Стихотворения и поэмы. М.: Советская Россия, 1974. 303 с.
12. **Мальцев Г. В.** Кровавая месть: уроки прошлого и современность [Электронный ресурс] // Кавказские научные записки. 2011. № 2 (7). С. 66-109. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/11/03/krovnaya-mest-uroki-proshlogo-i-sovremennost-ii.html> (дата обращения: 05.02.2013).
13. **Медведев А. В.** Коран и мир ислама в зеркале русской поэзии // Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая 80-летию УГАТУ: сб. тр.: в 2-х ч. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Нефтекамск, 14 ноября 2012 г.). Ч. 2. С. 77-82.
14. **Песни народов Северного Кавказа.** Изд-е 2-е. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1976. 493 с.
15. **Полежаев А. И.** Чёрная коса [Электронный ресурс]. URL: <http://ogo.rifma.ru/stixiya/all-127.html#tam-gde-svistyaschie> (дата обращения: 17.10.2014).
16. **Поэзия народов СССР XIX – начала XX века** // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1977. Серия вторая. Т. 102. 831 с.
17. **Поэтический калейдоскоп XIX в.** / вступ. ст. С. М. Хайбуллаева. Махачкала: Эпоха, 2007. 288 с.

18. Пушкин А. С. Собрания сочинений: в 10-ти т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 3. Поэмы, сказки. 542 с.
19. Пушкин А. С. Южные поэмы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1956. 95 с.
20. Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия: сборник. СПб.: Журнал «Звезда», 2006. 272 с.
21. «Свое» и «чужое» в культуре: сб. науч. ст. / отв. ред. В. М. Пивоев; Петрозаводский государственный университет. Петрозаводск, 2001. Вып. 2. 156 с.
22. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
23. Ханмурзаев Г. Г. Дагестан в русской литературе XIX века (проблема национального характера): автореф. дисс. ... д. филол. н. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1990. 35 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN IMAGES OF CAUCASIA AND THE CAUCASIAN IMAGES OF RUSSIA OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Kazakova Elena Aleksandrovna

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
alenant@yandex.ru

The article is devoted to the problem of the search of the cultural mechanisms of the cognition of the «Other», and the author considers the sphere of art as the most important of them. It is proved that art (poetry) in the first half of the XIX century was virtually the only means of fixing and reviewing the «Other», as well as of overcoming its frightening «strangeness». It is also proved that the invariant romantic image of Caucasia in the works of the Russian classics was filled with the variative substantial characteristics of ethnic and confessional sense. By the materials of the Caucasian poetic traditions of the period under review the author studies the image of Russia, which had not obtained an adequate theoretical representation. The found «response» allows the author to make a conclusion about the bilateral nature of artistic communication concerning the arisen otherness.

Key words and phrases: artistic image; image of Caucasia; image of Russia; the «Other»; artistic communication.

УДК 34

Юридические науки

Статья посвящена изучению типов особых экономических зон и видов парковых территорий развития. Сопоставляя типы и виды территорий развития, автор приходит к выводу о соотношении правового режима промышленно-производственных особых экономических зон с режимом территорий индустриальных (промышленных) парков, технико-внедренческих особых экономических зон – с режимом территорий технопарков, туристско-рекреационных зон – с режимом одноименных парковых территорий.

Ключевые слова и фразы: территория развития; особая экономическая зона (ОЭЗ); промышленно-производственная ОЭЗ; технико-внедренческая ОЭЗ; туристско-рекреационная ОЭЗ; промышленный парк; технопарк.

Козлова Валерия Николаевна

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
kozlovavn@mail.ru

ТИПЫ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ПАРКОВЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ РАЗВИТИЯ[©]

В целях развития высокотехнологичных, инновационных отраслей экономики, а также обрабатывающей промышленности, в том числе производства товаров двойного назначения, производства новых товаров и развития инфраструктуры отдельных территорий в Российской Федерации определяется режим особой экономической зоны.

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», под особой экономической зоной (далее – ОЭЗ) понимается «часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны» [6].

Таким образом, особая экономическая зона – это территория с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности, который выражается в следующем:

– резиденту ОЭЗ предоставляется право аренды имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности и необходимого для ведения им промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной или портовой деятельности. При этом управление и распоряжение таким имуществом осуществляет орган управления ОЭЗ;